

ЛОРА КОУЛМАН

ГОДЫ
С
ПУМОЙ

Трогательная история
невероятной дружбы

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ИСЦЕЛЕНИЕ

ЛОРА КОУЛМАН

ГОДЫ
С
ПУМОЙ

Трогательная история
невероятной дружбы

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
К73

Laura Coleman
THE PUMA YEARS

Copyright © 2021 by Laura Coleman
All rights reserved.

Коулман, Лора.
К73   Годы с пумой : трогательная история невероятной дружбы / Лора Коулман ; [перевод с английского И. Е. Кикиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. : ил. — (Книги, о которых говорят).

ISBN 978-5-04-221627-5

Что делать, если ты потерял себя и сбился с пути? Взять отпуск? Сменить работу? Сходить с друзьями в бар? Героиня книги и по совместительству ее автор Лора попробовала все. Но спасение нашла в далеком маленьком заповеднике в Боливии среди жары, духоты, moskitov, наводнений и пожаров. А помогла ей такая же потерянная и запуганная пума... И еще множество страдающих животных и запутавшихся людей.

«Все мы похожи на лук». Чтобы найти настоящего себя, надо снимать один слой за другим. Именно этому научит книга и ее автор, слои которой помогла снять та самая маленькая пума.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел-44)

ISBN 978-5-04-221627-5

© Кикина И. Е., перевод на русский язык, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается всем, кто когда-либо
любил этот заповедник.
И Вайре*

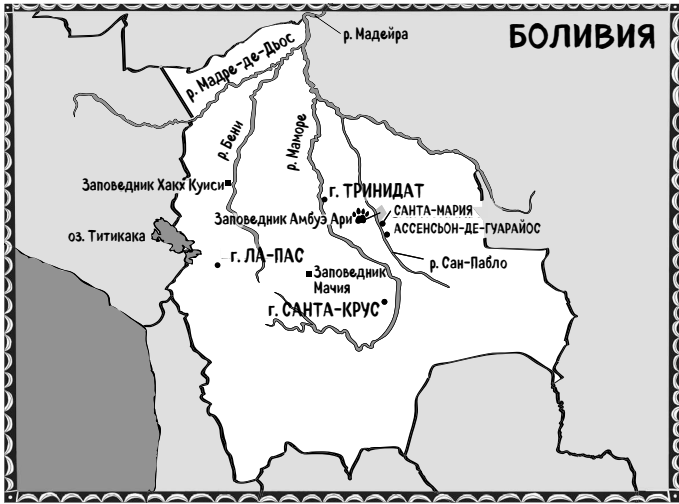
Теперь забирать имена было не у кого, и все же какими близкими казались мне все эти существа, когда я видела, как кто-то из них проплывает, пролетает, проползает передо мной, или касается моей кожи, или следует за мной по пятам в ночи, или недолго идет рядом днем. Они казались куда ближе, чем раньше, когда их имена стояли между нами, словно прозрачное препятствие. Теперь же эти существа были так близко, что мой страх перед ними и их страх передо мной сливались в единый страх. И тяга, которую чувствовали многие из нас, желание потереться, погладить чешую, кожу, перья или мех другого, попробовать плоти или крови друг друга, согреть друг друга — эта тяга теперь слилась со страхом, и охотника невозможно стало отличить от добычи, как и того, кто поедает, от того, кого едят.

Урсула К. Легуин,
«Она забирает их имена»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

У пумы много названий. Возможно, из-за того, что когда-то они были распространены по всей территории обеих Америк, от Канады до границ архипелага Огненная Земля. Флоридская пантера, кугуар, горный лев, дикая кошка, горный ревун, красный тигр, кугуакуарана, призрачная кошка... Говорят, у пумы больше восьмидесяти задокументированных названий — больше, чем у любого другого животного. Но живя в Боливии, я знала ее просто как пуму (с длинным «у»).

Большинство имен в книге изменено. Некоторые персонажи собирательные, некоторые события сдвинуты во времени, чтобы уложиться в книгу разумного объема, хотя по большей части я пересказала их так, как помню. Название организации и место действия я не меняла. «Комунидад Инти Вара Ясси» — это боливийская негосударственная организация, дающая диким животным, пострадавшим от незаконной торговли представителями фауны, второй шанс. Приют называется «Амбуэ Ари». Обе организации продолжают существовать благодаря людям, у которых столько внутренней силы, что словами не выразить.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На дворе 2007 год, мне двадцать четыре. Я не особо низкая, но и не сильно высокая. Примерно метр семьдесят. Нос крючком, сиськи такие, что спина постоянно болит, а ноги волочатся по земле. Я несколько запуталась, почему, и сама не понимаю. Большую часть жизни я была одинока. Когда нервничаю, то ем и курю, а нервничаю я часто. Мои родители психологи. У меня есть сестра и два брата, все очень успешные. Я англичанка, выпускница факультета искусствоведения, даже не представляющая, что обезьяны умеют шутить и могут впадать в депрессию. Я понятия не имею, как выглядит пума.

— Gringa¹. ¡Aquí!²

Мы тряслись в дребезжащем автобусе неведомо сколько — часов, наверно, пять.

Я протираю запотевшее треснутое стекло рукавом и пытаюсь что-то рассмотреть сквозь эту полосу. Но вижу только джунгли.

---

¹ Гринга (ж.) или гринго (м.) — во многих испаноговорящих странах так называют иностранца, англоговорящего представителя из другой страны. — *Здесь и далее прим. ред.*

² Сюда! (*исп.*)

— ¿En serio?¹

Не могу скрыть нотку страха в голосе.

— ¡Sí! El parque².

Сидящая рядом женщина снимает с моих колен своего ребенка, а какой-то мужчина уже пробирается вдоль рядов сидений мимо других стиснутых пассажиров, кур, детей, какой-то экзотической птицы и мешков с рисом и заявляет свои права на мои драгоценные несколько сантиметров кресла. И вот я стою одна-одинешенька на пустой, прямой дороге посреди боливийской части бассейна Амазонки и наблюдаю, как скрываются вдали задние фары автобуса. В воздухе висит мягкая дымка, из-за которой тонкий, крошащийся асфальт словно течет, как река. С берегов свешиваются высокие травы и деревья — зеленые, фиолетовые, оранжевые и золотые. Листья всевозможных оттенков будто сливаются в нечто единое, неясно очерченное, огромное. Пахнет жарой, воздух будто спертый, и я дышу с трудом. Небо голубое, но по краям уже становится красновато-золотым. Скоро стемнеет. Пока я ехала, казалось, что снаружи будет гулкая тишина, но я ошибалась.

Джунгли гомонят, говорят на языке, которого я прежде не слышала.

Прихлопывая москита на шее, ладонь окрашивается кровью. Еще один зудит возле уха. Я машу руками, постанывая и вертясь на месте. Джунгли повсюду, и, оглянувшись, вижу обезьяну, сидящую

---

¹ Seriously?

² Да! Заповедник.

на указательном столбе. Вскрикиваю и отскакиваю назад. Обезьяна ростом с маленького ребенка, сторбленая, с рыжей шерстью. На указателе ярко-красными буквами написано: «НЕ ПУСКАТЬ ОБЕЗЬЯН НА ДОРОГУ!» Она сидит и таращится на меня. «Ну и? И что ты сделаешь?» Я не собираюсь ничего делать. Скоро стемнеет, а я одна посреди джунглей. Чувствую дурноту. И тут сквозь гомон слышу новый звук. С жутким треском, точно ядро, из подлеска вырывается огромная черная свинья. Она поднимает голову — в зубах зажат красный лифчик — и смотрит мне прямо в глаза. Я готова развернуться и бежать, но тут на дорогу вслед за свиньей выскакивает мужчина. Он вынимает палки из волос.

— Панчита!

Свинья разворачивается и уносится прочь. Я слышу эхо топота копыт, а потом зеленое марево засасывает ее. Вот и след простыл.

Мои воспоминания из детства — рядом с домом раскинулся лес. Даже не лес, а маленькая, чахлая рощица. Однажды, когда мне было лет восемь, я попыталась там заночевать. Папа отвел меня в рощицу и оставил, как я и попросила. Позже я узнала, что он никуда не ушел, а устроился неподалеку с пачкой печенья и термосом горячего чая. Но я съежилась в спальном мешке. Ноздри заполнял чуждый запах земли и мха, а по венам бежала горячая дрожь страха. Я продержалась десять минут и помчалась домой в слезах, со спальником под мышкой, в твердой уверенности, что на деревьях, которые трещали и качались над головой, полно чудовищ.

— ¡Bienvenidos!¹ — Мужчина, стоящий передо мной, жизнерадостно улыбается. — Agustino. Soy el veterinario aquí.²

Он окидывает меня оценивающим взглядом с ног до головы, будто ничуть не удивившись, увидев меня здесь, посреди дороги, в компании обезьяны, в облаке кислого запаха сбежавшей свиньи. Словно здесь постоянно объявляются левые иностранцы, и их всякий раз встречают представители местной фауны. А вообще у меня нет подобной привычки — обычно я не забираюсь в такую глушь.

По идее трехмесячное пешее путешествие по Боливии должно было дать мне новый взгляд на жизнь, так необходимый после увольнения с очередной работы (а сколько я их сменила до этого!). Было ощущение, что мне дали карту собственной жизни, но я сбилась с маршрута. Я постоянно увольнялась, надеясь, что новое место укажет дорогу к успеху. Последней соломинкой, сломавшей спину верблюда, оказалась должность в отделе маркетинга в крупной туристической компании. Никаких сомнений: пешее путешествие поможет разобраться в себе. Я планировала вернуться преображенной, как Элизабет Гилберт³ из поколения миллениалов. Хотелось стать человеком, который, катаясь на американских горках, вскидывает руки в воздух, принимает верные решения, очертя голову ходит на свидания и знает,

---

¹ Добро пожаловать!

² Агустино. Я здесь ветеринар.

³ Элизабет Гилберт — американская писательница, автор бестселлера «Есть, молиться, любить» (*Прим. пер.*).

чего хочет от жизни. Человеком, обожающим корпоративы... Не таким, который лопаёт арахисовое масло в полночь, сидя на кухонном полу, а потом не может из дома выйти, поскольку что ни надень, все полнит. Таким, который может оказаться на обочине у черта на рогах и ничуть не тревожиться по этому поводу. Девушкой, готовой встречаться, а потом когда-нибудь стать женой, матерью, женщиной с успешной карьерой. В общем, как мне кажется, я хотела стать полной противоположностью себе нынешней.

Однако вот я путешествую уже два месяца и устала снимать койки в общежитиях, воняющих пивом и холодной блевотиной. Я по-прежнему стесняюсь таких же путешественников, которые пытаются со мной подружиться. Мне претят специально организованные «достопримечательности», где продаются стейки из мяса ламы по цене билета на самолет. В одном из подобных мест я подслушала, что, если поехать на север, можно купить билет на местный корабль, который навсегда увезет тебя с Планеты Одиночества. Будешь качаться в гамаке, смотреть на розовых речных дельфинов и пить кокосовое молоко. Я подумала, что звучит заманчиво. Поэтому отправилась на север и две недели просидела на топком речном берегу. Ждала корабля, а он так и не пришел. Обгоревшая, одинокая, растолстевшая от пирожков эмпаида, выполосканная дождями, я наконец пошла искать интернет-кафе, чтобы поменять авиабилет. Я потеряла всякую надежду. Хотелось домой. Но именно в том интернет-кафе, жуя холодную пиццу, запивая вонючим пивом и дымя си-

гаретами, я наткнулась на брошюрку боливийской благотворительной организации, помогающей животным. На обложке была жизнерадостная обезьянка. В тексте говорилось, что требуются волонтеры.

Потому-то я здесь и оказалась — исключительно из-за отсутствия всякой цели, да еще и внутренний голос уговаривал: «Рано сдаваться».

Я даже не в курсе, что это за организация. Знаю только, что здесь есть обезьянки, которые, по идее, должны выглядеть жизнерадостно.

Но эта вовсе не радостная. Она подползает к нам, хватая Агустино за штаны и взбирается по его одежде. Мужчина берет ее на руки, и обезьяна угрюмо пялится на меня. На первый взгляд показалось, что здешний ветеринар примерно мой ровесник, но теперь я сомневаюсь. Глаза у него темно-коричневые и добрые, окруженные морщинками, волосы черные, непослушные и растрепанные. Он маленького роста, немного полноват, с круглым лицом, которое мне помимо воли начинает нравиться. Он сует руку за отворот куртки и достает кусочек сыра. Обезьяна воет от восторга, хватая сыр и запихивает в рот. Агустино смущенно посматривает на меня. Целует обезьяну в меховую макушку.

— Коко вообще-то нельзя сыр, но только так я могу увести его с дороги. Здесь слишком опасно. Слишком много машин.

Я смотрю вправо-влево на пустую дорогу и неуверенно киваю. Довод насчет машин кажется абсурдным. Мы на краю вселенной, и даже крошечный местный автобус, на котором приехала я, кажется далеким воспоминанием.